

Научная статья

УДК 343.2/.7

DOI 10.25205/2542-0410-2021-17-3-69-75

Идеологические основы положений уголовного законодательства о преступлении и наказании

Александр Викторович Шеслер

Кузбасский институт
Федеральной службы исполнения наказаний России
Новокузнецк, Россия
sofish@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9958-5779>

Аннотация

Рассматриваются идеологические основания современного уголовного законодательства в аспекте преступности и уголовной наказуемости общественно опасных деяний. Автором исследуется вопрос о влиянии консервативного и либерального подходов на формирование уголовного закона, его системности, а также содержания отдельных институтов и положений. Обстоятельно изучается степень и качество такого воздействия либерального подхода на сущностные свойства и содержательные аспекты уголовного законодательства. Автор приводит наглядные примеры негативных проявлений либеральных воззрений, аргументирует необходимость отражения консервативного ценностного подхода в действующем уголовном законе. Аналогичным образом рассматривается вопрос о проявлениях либеральной идеи в аспекте формирования пенализационной составляющей УК. Аргументируется, что отказ от карательной концепции наказания привел к десистематизации перечня уголовных наказаний.

Ключевые слова

уголовный закон, либерализм, консервативные ценности, преступность деяния, наказуемость

Для цитирования

Шеслер А. В. Идеологические основы положений уголовного законодательства о преступлении и наказании // Юридическая наука и практика. 2021. Т. 17, № 3. С. 69–75. DOI 10.25205/2542-0410-2021-17-3-69-75

Ideological Foundations of the Provisions of the Criminal Code on Crime and Punishment

Alexander V. Shesler

Kuzbass Institute
of Federal Penitentiary Service of Russia
Novokuznetsk, Russian Federation
sofish@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9958-5779>

Abstract

The article examines the ideological foundations of modern criminal legislation, in the aspect of crime and criminal punishability of socially dangerous acts. The author examines the influence of conservative and liberal approaches on the formation of the criminal law, its consistency, as well as the content of individual institutions and provisions. The degree and quality of such an impact of the liberal approach on the essential properties and substantive aspects of criminal legislation is thoroughly studied. In this regard, the author gives illustrative examples of negative manifestations of liberal views, argues argumentatively about the need to reflect the conservative value approach in the current criminal law. Similarly, the question of the manifestations of the liberal idea in the aspect of the formation of the pe-

© Шеслер А. В., 2021

nalization component of the Criminal Code is considered. It is argued that the rejection of the punitive concept of punishment led to the desystematization of the list of criminal penalties.

Keywords

criminal law, liberalism, conservative values, criminality of the act, punishability

For citation

Shesler A. V. Ideological Foundations of the Provisions of the Criminal Code on Crime and Punishment. *Juridical Science and Practice*, 2021, vol. 17, no. 3, pp. 69–75. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2021-17-3-69-75

В 2012 г. умер британский историк-марксист, профессор Лондонского университета Эрик Хобсбаум. Он написал целый ряд книг, которые принесли ему мировую известность. Наиболее читаемыми из них являются: «Век революций. Европа 1989–1848», «Век капитала. 1848–1875», «Век империи. 1875–1914», «Эпоха крайностей. Краткий двадцатый век. 1914–1991». Это книги о Европе, преобразавшейся под влиянием идей Просвещения, которые лежали в основе наиболее значимых событий, предопределивших судьбу народов этого континента. Первая книга – о влиянии на европейское общество французской политической революции и британской промышленной революции, вторая – о победном шествии промышленного капитализма в Европе, третья – о его упадке на этом континенте. В четвертой книге показано влияние на социальную жизнь Европы двух мировых войн, мирового экономического кризиса, беспрецедентного экономического роста, деколонизации, краха мировой системы социализма, войны идеологий (сначала либеральной и коммунистической идеологий против фашистской идеологии, затем либеральной идеологии против коммунистической). Четких критериев выделения указанных мыслителем исторических периодов в его работах не наблюдается. Однако с его лёгкой руки наиболее выраженные и очевидные явления определенной эпохи названы их веками. Развивая подход Эрика Хобсбаума, политологи и социальные философы называли «краткий двадцатый век» веком идеологии [1], так как идеи просвещения оказали наиболее сильное воздействие на социальную жизнь Европы именно в этот исторический период. Можно ли будет назвать конец XX в. и определенный период XXI в. веком глобализации – неизвестно. С одной стороны, с 1990-х гг. наблюдалось победное шествие либерализма как идеологии и социальной практики, воплощенной в рыночной экономике, правах человека и либеральной демократии. Унификация социально-экономических и политических процессов в англосаксонском и европейском мире позволила объявить о «конце истории», состоящем в завершении социокультурной эволюции человечества [2]. С другой стороны, современность показывает, что век глобализации оказывается предельно кратким, конца истории не состоялось. Глобализация в экономической сфере привела к предельной интеграции рынка мирового капитала, через который происходит интенсивное перераспределение экологических и интеллектуальных ресурсов человечества, создаваемого им прибавочного продукта прежде всего в пользу стран англосаксонского мира (Англии, США, Канады и др.). Остальные страны играют роль придатка системы глобального хозяйства, его производственного цеха и свалки продуктов его жизнедеятельности [3–5]. Экономические и социальные последствия глобализации оказываются негативными (растет виртуальная экономика, оторванная от реального производства, финансовый сектор экономики доминирует над производственным, у государств снижаются возможности для выполнения финансовых обязательств, растет имущественное расслоение населения и т. д.) [6]. Либеральная демократия ослабила контроль за преступностью (прежде всего организованной), национальными, расовыми и другими социальными конфликтами, способствовала криминализации социума [7]. Все эти негативные последствия глобализации не только уничтожают страны, которые оказались за пределами англосаксонской модели развития, но и в полной мере затрагивают центр англосаксонской глобализации – США [8]. Либеральные ценности, составляющие идеологическую основу глобализации, не сплотили людей разных национальностей, рас, вероисповедания, разных доходов и образа жизни, приверженцев разных идеологий и т. д. Либерализм трезво мыслящие политологи сравнивают с ВИЧ, перед которым человечество беззащитно [9]. В целом англосаксонскому глобальному либеральному проекту предрекают

крах [10]. Жесткая и многоплановая борьба различных частей населения планеты за иссякающие природные ресурсы обусловила консолидацию людей вокруг своих государств, способных вести эту борьбу с помощью традиционных инструментов (армии, спецслужб, политики, идеологии и т. д.). Поэтому значительная часть человеческого социума, в основном не попавшая под сильное воздействие англосаксонского глобального либерального проекта, в поисках идеологии, способной быть основой духовно-нравственного сплочения хотя бы населения в пределах одного государства [11]. Наиболее конструктивной идеологией, противостоящей либерализму, ряд исследователей считает идеологию консерватизма, формирующегося на основе теологии и возвращения человечества к вековым традициям [12, с. 606–613; 13–15]. По-видимому, это означает, что век идеологии еще не закончился, изменился лишь состав оппонентов, между которыми идет борьба.

Борьба идеологий сказывается на состоянии всех социальных явлений, в том числе уголовного права как системы юридических норм, издаваемых государством. Отечественное уголовное право отражает эту борьбу, закрепляя ее результаты прежде всего в положениях о преступлении и наказании.

Применительно к законодательному подходу о преступлении в УК РФ значение Конституции РФ состоит в том, что приоритеты уголовно-правовой охраны, лежащие в основе построения Особенной части УК РФ, сформулированы в соответствии с выделенными объектами правовой охраны в Конституции РФ. Кроме того, значение Конституции РФ в указанном аспекте состоит в том, что в соответствии со ст. 18 этого нормативно-правового акта такие объекты приоритетной правовой охраны, как права и свободы человека и гражданина, определяют смысл, содержание и применение законов.

Несмотря на то что в ст. 13 Конституции РФ признается идеологическое многообразие и отрицается наличие какой-либо идеологии в качестве государственной или обязательной, фактически либерализм был такой идеологией в течение многих лет, во всяком случае до 2010-х гг. В настоящее время лидеры политических партий четко выраженной либеральной ориентации несколько отодвинуты от государственной власти и не играют главной роли в общественно-политических процессах в России, большая часть политических лидеров и высших должностных лиц не заявляют открыто о приверженности либеральным ценностям, в их выступлениях всё больше звучит патриотическая тематика и приверженность другим консервативным ценностям.

Однако либерализм и в настоящее время не утратил свое идеологическое воздействие на социальные процессы в российском обществе, в том числе на формирование уголовного законодательства. В действующем УК РФ 1996 г. консерватизм сведен в основном к традициям законодательной техники и восприятию десятилетиями устоявшихся формулировок. Представляется, что либерализм является той идеологией, на которой до сих пор основано действующее законодательство. Основными ценностями данной идеологии (теории демократии, гражданского общества, прав человека [16, с. 214–215; 17, с. 731]) проникнут и действующий УК РФ.

Изменения к Конституции Российской Федерации, одобренные общенародным голосованием 1 июля 2020 г., создали предпосылки того, чтобы уголовный закон основывался на консервативных ценностях. Если эти поправки не повлияли на изменение приоритетов уголовно-правовой охраны (права, свободы и интересы человека по-прежнему остаются приоритетными), то в значительной мере уже повлияли на смысл и содержание уголовного закона. Так, закрепление в п. «ж. 1» ч. 1 Конституции Российской Федерации защиты института брака как союза мужчины и женщины означает, что уголовно-правовой охране в главе 20 УК РФ подлежат интересы традиционной семьи, а не интересы гомосексуального сожительства. Эти поправки усилили значение уголовного закона в охране традиционных ценностей. В ч. 3 ст. 67 Конституции Российской Федерации предусмотрено, что «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды», что «умаление подвига народа при защите отечества не допускается». Это формирует общеправовой фон

для активного применения уголовного закона, охраняющего исторический подвиг советского народа в борьбе с фашизмом (п. «б» ч. 2 ст. 244, 354.1 УК РФ).

Либеральный подход законодателя к наказанию выражается прежде всего в том, что в определении понятия наказания (ч. 1 ст. 43 УК РФ) отсутствует указание на его карательный характер. Многие исследователи более не рассматривают кару в качестве признака наказания [18, с. 9–10; 19, с. 25–26]. Причиной тому служит то, что понимание и значение наказания в карательном аспекте не соответствует либеральным ценностям.

В результате перечень наказаний (ст. 44 УК РФ) не стал системой наказаний [20, с. 66–67]. Например, штраф по своим верхним пределам, т. е. по суровости, является значительно более строгим видом наказания в сравнении со следующими за ним в перечне видами наказаний и вполне может соперничать с лишением свободы, назначаемым за преступления небольшой и средней тяжести. Максимальные сроки лишения свободы сегодня близки к пожизненному лишению свободы. Это обусловлено неопределенностью содержания наказания как такового. Иными словами, если наказание по содержанию не кара, то нет ясности в том, как определить верхний предел определенного вида наказания, по достижении которого оно должно перетекать в более строгий вид наказания.

Законодательный отказ от карательного характера наказания и, как следствие, содержательная неопределенность самого наказания и его отдельных видов стали причиной появления «отложенных» наказаний (обязательные работы, ограничение свободы, арест).

Непризнание карательной сущности наказания стерло правовые различия между наказанием и иными мерами уголовно-правового характера, а также мерами принуждения иной отраслевой принадлежности. Например, ограничение свободы практически идентично условному осуждению, так как перечень предусмотренных в ч. 1 ст. 53 УК РФ ограничений во многом повторяет те обязанности, которые предусмотрены в ч. 5 ст. 73 УК РФ. Кроме того, установленные в ч. 1 ст. 53 УК РФ ограничения идентичны административным ограничениям (ст. 4 Федерального закона РФ от 8 апреля 2013 г. «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»).

Отказ в уголовном законе от концепции наказания-кары создал предпосылки для того, чтобы наказание, как в уголовно-правовых актах советского периода, стало превращаться в меру социальной защиты. Речь идет о введении в УК РФ Федеральным законом РФ от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ ст. 210.1, предусматривающей ответственность за занятие лицом высшего положения в преступной иерархии. Наказуемость лица за его принадлежность к «ворам в законе» и другим лидерам криминальной среды очевидно противоречит принципу законности (ст. 3 УК РФ), а также положениям ст. 8 УК РФ о том, что основанием уголовной ответственности является деяние, содержащее все признаки состава преступления, но не социальный статус лица. Данные противоречия, а также использование в ст. 210.1 УК РФ оценочных признаков, имеющих криминологическое, а не уголовно-правовое содержание, привели к значительным трудностям в практике применения этой нормы [21, с. 110–122].

Свидетельством либеральных основ действующего УК РФ является расширение частного интереса в уголовном законе. Об этом свидетельствует прежде всего появление в нем новых, по сравнению с УК РСФСР 1960 г., видов освобождения от уголовной ответственности, а именно: в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ), в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), в связи с возмещением ущерба (ст. 76.1 УК РФ), с назначением судебного штрафа (ст. 76.1 УК РФ). Все эти виды освобождения в качестве обязательного условия предусматривают возмещение ущерба или заглаживание причиненного преступлением вреда. Это характерно для разрешения правового конфликта в сфере частноправовых отношений, регулируемых гражданским законодательством, прежде всего в рыночной сфере, составляющей основу либеральных ценностей. В определенной мере это можно объяснить тем, что законодатель дает правоприменителю возможность в зависимости от каких-либо обстоятельств в стране (например, при снижении состояния преступности) смягчить уголовную политику. Однако нельзя понять замысел законодателя, который закрепил в ст. 88 УК РФ положение о том, что штраф, назначенный несовершеннолетнему осужденному, по ре-

пению суда может взыскиваться с его родителей или иных законных представителей с их согласия. По сути, это положение есть свидетельство проникновения в уголовный закон гражданско-правового института субсидиарной ответственности (ст. 399, 1074 ГК РФ), который является компенсационной правовой мерой. Данное «инородное тело» отнимает у штрафа его карательную сущность. Эти попытки придать наказанию характер определенных мер гражданско-правовой ответственности выхолащивают его сущность, искажают его правовую природу.

Объективно стоит отметить, что законодатель, не указав в ч. 1 ст. 43 УК РФ на карательный характер наказания, не отошел в полной мере от концепции его возмездного характера. Так, в УК РФ в целом ряде статей закреплена соразмерность между тяжестью совершенного преступления и тяжестью наказания. Такая соразмерность между преступлением и наказанием лежит в основе принципа справедливости (ст. 6 УК РФ), в развитие которого в ст. 43 УК РФ одной из целей наказания указано восстановление социальной справедливости.

В заключение укажем, что законодателю следует более последовательно выразить свой консервативный взгляд на то, что является уголовным наказанием. Это требует прежде всего указания в его определении на карательный характер. Таким образом каре удастся придать качество того критерия, исходя из которого наказание по своей сущности будет отличаться от иных мер уголовно-правового характера, а также сделать перечень наказаний, определенный в ст. 44 УК РФ, системой наказаний.

Список литературы

1. **Дугин А.** Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XIX века. СПб., 2017. 351 с.
2. **Фукуяма Ф.** Триумф глобализации. Конец истории или начало? М., 2020. 250 с.
3. **Вальянский С. И.** За какие идеи мы умираем. М., 2005. 512 с.
4. **Кагарлицкий Б. Ю.** Марксизм: не рекомендовано для обучения. М., 2005. 480 с.
5. **Фурсов А. И.** Вперед, к победе! Русский успех в ретроспективе и перспективе. М., 2014. 640 с.
6. **Овчинский В. С.** Мировойна. Все против всех. Новейшие концепции боевых действий англосаксов. М., 2015. 416 с.
7. **Овчинский В. С.** Мафия: новые мировые тенденции. М., 2016. 384 с.
8. **Бьюкенен П.** Смерть Запада. М., 2004. 448 с.
9. **Бьюкенен П.** Правые и не-правые. М., 2006. 346 с.
10. **Кобяков А.** Русская доктрина / Под ред. А. Б. Кобякова, В. В. Аверьянова. М.: Яуза-пресс, 2005. 284 с.
11. **Фурсов А. И.** Вопросы борьбы в русской истории. Логика намерений и логика обстоятельств. М., 2016. 320 с.
12. История политических и правовых учений / Под ред. В. С. Нерсисянца. М., 2003. 944 с.
13. **Шестаков С. А.** Российский консерватизм: история и современность. Тюмень, 2005. 127 с.
14. **Дугин А.** Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XIX века. М., 2017. 352 с.
15. **Фурсов А. И.** Водораздел. Будущее, которое уже наступило. М., 2018. 352 с.
16. **Панарин А. С.** Народ без элиты. М., 2006. 352 с.
17. **Панарин А. С.** Православная цивилизация. М., 2014. 1248 с.
18. **Зубкова В. И.** Уголовное наказание и его социальная роль: законодательство, теория и практика: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2002. 32 с.
19. **Мицкевич А. Ф.** Уголовное наказание: понятие, цели и механизмы действия: Монография. СПб., 2005. 329 с.
20. **Дуюнов В. К.** Проблемы уголовного наказания в теории, законодательстве и судебной практике. Курск, 2000. 504 с.

21. **Шеслер А. В.** «Вор в законе»: криминальный статус или основание уголовной ответственности // Вестник Кузбасского института. 2020. № 1. С. 110–122.

References

1. **Dugin A.** Chetvertaja politicheskaja teorija. Rossiya i politicheskie idei XIX veka [The fourth political theory. Russia and the political ideas of the nineteenth century]. St. Petersburg, 2017. 351 p. (in Russ.)
2. **Fukujama F.** Triumf globalizacii. Konec istorii ili nachalo? [The triumph of globalization. The end of the story or the beginning?]. Moscow, 2020. 250 p. (in Russ.)
3. **Valiansky S. I.** Za kakie idei my umираем [For what ideas we die]. Moscow, 2005. 512 p. (in Russ.)
4. **Kagarlitsky B. Yu.** Marksizm: ne rekomendovano dlja obuchenija [Marxism: not recommended for training]. Moscow, 2005. 480 p. (in Russ.)
5. **Fursov A. I.** Vpered, k pobede! Russkij uspeh v retrospektive i perspektive [Forward, to victory! Russian success in retrospect and perspective]. Moscow, 2014. 640 p. (in Russ.)
6. **Ovchinsky V. S.** Mirovojna. Vse protiv vseh. Novejshe konceptii boevyh dejstvij anglo-saksov [Mirovoina. All against all. The latest concepts of military operations of the Anglo-Saxons]. Moscow, 2015, 416 p. (in Russ.)
7. **Ovchinsky V. S.** Mafija: novye mirovye tendencii [Mafia: new world trends]. Moscow, 2016, 384 p. (in Russ.)
8. **Buchanan P.** Smert' Zapada [The Death of the West]. Moscow, 2004, 448 p. (in Russ.)
9. **Buchanan P.** Pravye i ne-pravye [The right and the wrong]. Moscow, 2006, 346 p. (in Russ.)
10. **Kobyakov A.** Russkaja doktrina [Russian doctrine]. Eds. A. B. Kobyakov, V. V. Averyanov. Moscow, Yauza-press, 2005, 284 p. (in Russ.)
11. **Fursov A. I.** Voprosy bor'by v russkoj istorii. Logika namerenij i logika obstojatel'stv [Questions of struggle in Russian history. The logic of intentions and the logic of circumstances]. Moscow, 2016, 320 p. (in Russ.)
12. **Nersesyants V. S.** (ed.). Istorija politicheskikh i pravovykh uchenij [The history of political and legal doctrines]. Moscow, 2003, 944 p. (in Russ.)
13. **Shestakov S. A.** Rossijskij konservatizm: istorija i sovremennost' [Russian conservatism: history and modernity]. Tyumen, 2005, 127 p. (in Russ.)
14. **Dugin A.** Chetvertaja politicheskaja teorija. Rossiya i politicheskie idei XIX veka [The fourth political theory. Russia and political ideas of the 19th century]. Moscow, 2017, 352 p. (in Russ.)
15. **Fursov A. I.** Vodorazdel. Budushhee, kotoroe uzhe nastupilo [Watershed. A future that has already arrived]. Moscow, 2018, 352 p. (in Russ.)
16. **Panarin A. S.** Narod bez jelity [People without elite]. Moscow, 2006, 352 p. (in Russ.)
17. **Panarin A. S.** Pravoslavnaja civilizacija [Orthodox civilization]. Moscow, 2014, 1248 p. (in Russ.)
18. **Zubkova V. I.** Ugolovnoe nakazanie i ego social'naja rol': zakonodatel'stvo, teorija i praktika [Criminal punishment and its social role: legislation, theory and practice]. Abstract of Dr. Law Sci. Dis. Ryazan, 2002, 32 p. (in Russ.)
19. **Mitskevich A. F.** Ugolovnoe nakazanie: ponjatie, celi i mehanizmy dejstvija [Criminal punishment: the concept, goals and mechanisms of action]. Monograph. St. Petersburg, 2005, 329 p. (in Russ.)
20. **Duyunov V. K.** Problemy ugolovnogo nakazaniya v teorii, zakonodatel'stve i sudebnoj praktike [Problems of criminal punishment in theory, legislation and judicial practice]. Kursk, 2000, 504 p. (in Russ.)
21. **Shesler A. V.** “Vor v zakone”: kriminal'nyj status ili osnovanie ugolovnoj otvetstvennosti [“Thief in law”: criminal status or the basis of criminal liability]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta* [Bulletin of the Kuzbass Institute], 2020, no. 1, pp. 110–122. (in Russ.)

Информация об авторе

Александр Викторович Шеслер, доктор юридических наук, профессор

Information about the Author

Alexander V. Shesler, Doctor of Sciences (Law), Professor

*Статья поступила в редакцию 25.05.2021;
одобрена после рецензирования 01.09.2021; принята к публикации 01.09.2021
The article was submitted 25.05.2021;
approved after reviewing 01.09.2021; accepted for publication 01.09.2021*